

Повзрослел, можно и самочку искать

Мо Янь и сам был тем ещё хитрецом, да ещё и свалил всю вину на Лю Чжэчжи. Тот, в свою очередь, оставался в полном неведении, и после купания вновь принялся наставлять его в уборке дворца и совершенствовании духа.

Вот только Лю Чжэчжи не мог не заметить, что змейка стал смотреть на него чаще. И не просто смотреть, а как-то странно, пристально, не отрывая взгляда.

Он предположил, что это из-за портрета, и не стал расспрашивать. В свободное время он позволял змейке рисовать, а сам сидел рядом, хвалил и подбадривал. Типичное поощрительное воспитание, которое, к слову, давало превосходные результаты.

Змейка поддавался только на ласку. С ним нельзя было применять силу. Любое дело можно было уладить похвалой. Если же пытаться настоять на своём, то, как и прежде, они могли препираться по два-три дня, что было не только пустой тратой времени, но и портило их отношения.

Лю Чжэчжи, разумеется, выбирал самый простой путь. Стоило лишь похвалить, и змейка становился шёлковым. Чего ещё желать?

Когда Мо Янь закончил портрет, Лю Чжэчжи сдержал слово и повесил его у изголовья кровати. Каждый день он хвалил рисунок, и их отношения становились всё более гармоничными. Иногда ему даже казалось, что змейка сам ищет его ласки.

Лю Чжэчжи был рад и доволен. Мо Янь же, напротив, каждый раз приближаясь к нему, испытывал нескромные мысли. Он был уверен, что тот хочет использовать его для двойного совершенствования, и, вообразив, что разгадал его коварный план, принялся усердно восстанавливать силы, готовясь к трансформации.

Так пролетело десять лет.

Снова наступила зима. Лю Чжэчжи сидел у окна, любуясь снегом. Во дворе цвела алая слива, источая тонкий аромат. Её алые лепестки на фоне белоснежного покрова создавали картину такой красоты, что он не мог усидеть на месте.

Когда-то, до того как его тело ослабло, он любил упражняться с мечом в заснеженные дни. Десять лет он сдерживал это желание, и теперь сердце его зудело от нетерпения. Оглядевшись по сторонам, он тихонько вышел из дворца.

Его истощённое тело тотчас же пробрал холод, стоило ему лишь ступить на снег. Он невольно

содрогнулся, но не обратил на это внимания. Неспешно шагая вперёд, он остановился перед цветущей сливой и протянул руку, чтобы кончиками пальцев стряхнуть с неё снег.

Но не успел он коснуться ветки, как его ногу что-то крепко обвило. Чёрный змей, толщиной с запястье, обернулся вокруг него и, накинув ему на плечи белоснежную накидку, поправил воротник. Затем его голова оказалась прямо перед лицом Лю Чжэчжи, и он яростно зашипел.

«Я отлучился всего на минуту, чтобы развесить бельё, а ты уже выбежал на улицу! Ты что, снега не видишь?!»

«Лю Чжэчжи, ты хочешь свести меня в могилу?!»

Лю Чжэчжи замер, не смея пошевелиться. В его глазах промелькнуло чувство вины.

— Змейка, я просто вышел подышать свежим воздухом. Если замёрзну, сразу же верну...

— Ссс! Ссссс!

Не успел он договорить, как змейка прервала его шипением. Лю Чжэчжи замолчал и покорно повернулся, чтобы вернуться во дворец. По пути он мысленно вздохнул.

«Раньше я наставлял змейку, а теперь, сам того не заметив, он стал меня контролировать».

«То нельзя, это нельзя, того и гляди, заставит целыми днями лежать в постели. А змейка-то вырос, уже не так-то просто с ним совладать. Тяжёлый, я его даже поднять не могу...»

Едва он вернулся во дворец и сел, как на стол перед ним легла ветка алой сливы. Мо Янь хвостом пододвинул её поближе.

«Тебе ведь это было нужно, да? У тебя что, языка нет? Не мог сказать мне?»

«Смотри! Сиди здесь и смотри! Ещё раз посмеешь выйти на мороз, я тебе ноги переломаяю!»

Хотя он и не знал, о чём тот думает, за столько лет совместной жизни Лю Чжэчжи научился понимать его и без слов. Он видел, что змейка злится, и, протянув руку, погладил её по голове.

— Я был неправ, не сердись. Ты ведь заботишься обо мне. Если я простужусь, ты будешь переживать. Я всё понимаю.

«Кто о тебе переживает?!»

Мо Янь хлестнул его по руке кончиком хвоста. Но теперь, когда он вырос, его хвост был толщиной с большой палец, и удар получился довольно сильным. На руке Лю Чжэчжи мгновенно проступил красный след.

За десять лет Лю Чжэчжи ничем не занимался, окружённый его заботой. Он стал изнеженным и не таким терпимым к боли, как раньше. От резкого удара он втянул воздух сквозь зубы.

«Больно?»

Мо Янь тут же подполз ближе и принялся лизать красный след своим змеиным язычком. Затем, в наказание, он хлестнул себя хвостом.

«Вот же идиот! Знал же, что он слабый, зачем было так сильно бить?!»

— Змейка, — Лю Чжэчжи остановил его хвост, — ничего страшного. Зачем ты себя бьёшь? Не больно?

«Какого чёрта больно? У меня шкура толстая, не о чем беспокоиться. За собой следи».

Мо Янь бросил на него недовольный взгляд и, отвернувшись, принялся вылизывать его руку. Хвостом он подтащил сбоку склянку с пилюлями, растолок одну из них и посыпал порошком на покраснение. Лишь когда след исчез, он успокоился.

— Это же пилюли высшего качества, их используют при тяжёлых ранениях. Они для тебя, чтобы ты лечился. Зачем так тра...

— Ссс! — прервал его Мо Янь.

«Раз отдал мне, значит, они мои! Как хочу, так и использую!»

«Сказал, нужно — значит, нужно! Замолчи!»

Лю Чжэчжи: «...» И правда, чем старше, тем злее.

— Какая ты злая змейка.

Он произнёс это с лёгким укором, и Мо Янь замер. Спустя мгновение он молча положил кончик хвоста ему в руку и затих.

«Вот, играй, гладь. Теперь доволен?»

«Чуть что, сразу недоволен. Неженка».

Лю Чжэчжи сказал это просто так, зная, что тот не устоит перед такой уловкой. Увидев, что змейка наконец-то стал послушным, как в детстве, он взял алую сливу, сорвал один цветок и, поглаживая змеиный хвост, прикрепил его ему на голову.

Мо Янь: ??!

«Что за дрянь ты мне на голову цепляешь? Я же мужчина!»

Он замотал головой, пытаясь стряхнуть цветок, но Лю Чжэчжи придержал его.

— Змейка, так красиво.

«Какого чёрта красиво! Какой мужчина будет носить на голове...»

— Поцелую змейку.

Тёплые губы коснулись его головы, и Мо Янь тут же замер. Он высунул язычок и лизнул его губы в ответ, а затем улёгся, позволяя делать с собой всё что угодно. Даже когда его голову украсили ещё несколько цветов, он и глазом не моргнул.

С тех пор как он вырос и стал постоянно его контролировать, Лю Чжэчжи почти перестал его целовать. Только когда был в очень хорошем настроении или, как сейчас, хотел уговорить его на какую-нибудь глупость.

Раньше он презирал эти поцелуи, а теперь они стали такой редкостью. Мо Янь прекрасно это понимал.

«Несколько цветков на голове — не такая уж большая плата. Пусть делает что хочет».

Лю Чжэчжи научился его уговаривать. Он делал это легко и мастерски. Поиграв с его хвостом и сказав ещё пару комплиментов, он замолчал, глядя на падающий за окном снег. Они сидели в тишине, и в этой тишине было что-то умиротворяющее.

Лишь когда начало темнеть, Лю Чжэчжи отпустил его хвост. Вставая, он вдруг что-то вспомнил и, протянув руку, приподнял чешуйки у него на животе, чтобы заглянуть под них.

Мо Янь опешил и тут же отпрянул.

«Лю Чжэчжи, не наглей! Куда ты смотришь?!»

— Не бойся, змейка, я просто хотел посмотреть, выросло ли там.

Лю Чжэчжи был совершенно спокоен, он действительно просто хотел посмотреть.

— Да, выросло, — задумчиво произнёс он. — Скоро змейка сможет найти себе самочку. Весной нужно будет поискать в бамбуковой роще и в траве на Пике Облачного Бамбука.

Он говорил о поиске самочки, но Мо Янь смотрел только на него. Его вертикальные зрачки сужались и расширялись, скользя взглядом от белоснежной шеи до тонкой талии...

<http://bllate.org/book/16980/1586537>